

УДК 314.8

А. В. Кашенов

Институт демографических исследований
ФГБУН Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
Москва, e-mail: avkash@list.ru

30 ЛЕТ БЕЗ СССР. ЧАСТЬ 3. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Ключевые слова: развитие народонаселения, демографический переход, демографический кризис, депопуляция, потери населения, избыточная смертность.

Продолжение серии статей о причинах и последствиях развала СССР. Одним из результатов этого события явился демографический кризис, основными компонентами которого были резкое сокращение рождаемости, рост смертности в республиках бывшего Союза, массовые потоки вынужденных мигрантов. В РФ, как и большинстве других республик, был запущен механизм долгосрочного сокращения населения (депопуляции). Имели место прямые, косвенные и условные (гипотетические) потери населения. В статье продолжается теоретическая дискуссия между сторонниками теорий «демографического перехода» и «демографического кризиса», сторонниками и противниками проведения демографической политики, производится анализ статистических данных по РФ и ряду других постсоветских государств за 1991-2021 гг., рассматривается избыточная смертность в 1990-е годы и во время пандемии COVID-19, оценка относительных потерь населения России за 30 лет. Сформулированы выводы по социально-экономической политике сбережения населения и рационализации демографической политики.

А. V. Kashenov

The Institute of Demographic Research of the Federal State Budgetary Institution
of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, e-mail: avkash@list.ru

30 YEARS WITHOUT THE USSR. PART 3. DEMOGRAPHIC CRISIS

Keywords: population development, demographic transition, demographic crisis, depopulation, population loss, excess mortality.

Continuation of a series of articles on the causes and consequences of the collapse of the USSR. One of the results of this event was the demographic crisis, the main components of which were a sharp decline in the birth rate, an increase in mortality in the republics of the former Union, and massive flows of forced migrants. In the Russian Federation, as in most other republics, the mechanism of long-term population reduction (depopulation) was launched. There were direct, indirect and conditional (hypothetical) losses of the population. The article continues the theoretical discussion between supporters of the theories of “demographic transition” and “demographic crisis”, supporters and opponents of demographic policy, analyzes statistical data on the Russian Federation and a number of other post-Soviet states for 1991-2021, examines excess mortality in the 1990s and during the COVID-19 pandemic, estimates relative population losses Russia for 30 years. Conclusions on the socio-economic policy of saving the population and rationalization of demographic policy are formulated.

Введение

Целью цикла статей «30 лет без СССР» является обсуждение представлений о событиях 1991 года, их экономических и демографических последствиях. Задача первой статьи состояла в анализе объективных предпосылок и субъективных причин развала СССР в 1991 г. [1]. Во второй статье было произведено обсуждение понятий «циклического», «трансформационного»,

«системного» кризисов применительно к постсоветским экономикам. Экономические последствия геополитического развала были названы «геоэкономическим кризисом» [2]. Целью данной статьи является обзор теорий демографического развития мира, СССР и постсоветских государств, оценка гипотетических (условных) и реальных потерь населения за период 1991-2021 гг.

1. Теории демографического развития в СССР и на постсоветском пространстве

На протяжении многих веков идеологией государственной власти был популяционизм, как представление о том, что государство, народ, территория должна иметь максимально возможную численность населения и превосходить по этому показателю все иные общности и территории. Прагматическая цель популяционизма состояла в расширении базы для призыва военнослужащих, увеличении контингентов трудовых ресурсов в экономике и численности налогоплательщиков. Инструментами популяционистской демографической политики были стимулирование рождаемости и иммиграции, ограничение эмиграции. При этом рождаемость стимулировалась религиозными нормами, запретом аборт и т.д. В новое время популяционизм постепенно приобрел ориентацию на сбережение взрослого населения, сокращение смертности и заболеваемости, материальное стимулирование рождаемости.

В конце XVIII столетия Т. Мальтус предупредил о возможных негативных последствиях чрезмерно быстрого роста населения [3]. С тех пор продолжается борьба «популяционистских» и «мальтузианских» теорий за политическое доминирование.

Советская политика, при всех ее колебаниях по отношению к семье в первые годы советской власти, в целом была популяционистской. В развитие главного лозунга СССР – «догнать и перегнать капиталистические страны в экономическом отношении» выдвигались лозунги о преимуществе социализма над капитализмом по уровню рождаемости и темпам роста численности населения. Вот что об этом в 1960-е годы писал А.Г. Волков: «в течение долгого времени в нашей специальной, да, впрочем, и популярной, литературе господствовало догматическое утверждение, будто снижение рождаемости характерно лишь для капиталистического общества, а в условиях социализма повышение благосостояния народа якобы ведет к росту рождаемости, который представляет собой характерную черту социалистического закона народонаселения» [4]. В 1970-1980-е годы советская демографическая наука противопоставляла «закон относительного перенаселения при капитализме» «социалистическому закону народонаселения», который трактовался как «закон полной занятости и рационального

использования трудоспособного населения» [5, С. 21]. Целесообразность возврата от малодетной семьи к среднететной обосновывали необходимостью «ликвидации дефицита трудовых ресурсов» [6, С.13].

В позднем СССР альтернативу популяционизму советские ученые видели в теории «оптимума населения», как компромисса между траекториями депопуляции и перенаселения. Б.Ц. Урланис полагал, что «оптимум населения» – как оптимальной численности, так и оптимальной плотности – всегда относителен и не может быть точно определен, и в конце концов «речь может идти не об оптимальной численности населения, а об оптимальных темпах его роста», которыми будут «темпы, обеспечивающие наиболее высокий уровень душевых доходов» [7, С.264]. Он высказывал сомнение в том, что «при оценке экономического значения будущей численности надо исходить из потребности народного хозяйства в рабочей силе» [7, С.267]. Он также утверждал, что «основным условием... при решении задачи на оптимизацию демографических параметров, должно быть условие ликвидации возможности депопуляции» [7, С.283].

Французский демограф А. Сови, который оказал большое влияние на советскую демографическую науку, различал «экономический оптимум», целевой функцией которого является максимизация благополучия (уровня жизни) населения и «оптимум могущества», целью которого является максимизация численности вооруженных сил, власти и влияния. При этом он считал целесообразным учитывать то обстоятельство, что отвлечение людей в армию снижает объемы производства, в то время как в условиях современного общества именно производство, а не численность населения и солдат, приводит к максимизации власти и влияния [8, С.107-136]. В качестве целей демографической политики А. Сови называл минимизацию смертности и заболеваемости, «смягчение избытка или недостатка рождаемости», регулирование миграции с учетом интересов всего общества [9, С.491]. В 1970-1980-е годы началось заимствование отечественными учеными теорий «демографического перехода» и «демографической революции».

Термин «демографический переход» был впервые введен в научное обращение американским демографом Ф. Ноутстейном в 1945 году [10, С. 36–57], хотя сходные

идеи высказывались раньше, в частности А. Ландри [11]. В отличие от более ранних теорий, которые концентрировали внимание на соотношении численности населения и жизненных средств, здесь в основном рассматривались соотношения рождаемости и смертности, разрабатывался возможный сценарий глобального демографического «спектакля». Основные акты этого сценария были следующие: в результате значительного снижения смертности (на первых порах главным образом из-за успешных противоэпидемических мероприятий) и сохранения высокого уровня рождаемости резко ускоряется рост населения, происходит «демографический взрыв». Принято считать, что к 1925 г. данный этап был пройден большинством развитых стран мира. На втором этапе коэффициент смертности снижается и достигает минимума, но коэффициент рождаемости снижается быстрее коэффициента смертности, что приводит к замедлению прироста населения, а также к демографическому старению населения. На третьем этапе коэффициент смертности увеличивается вследствие демографического старения населения, а также замедляется снижение коэффициента рождаемости. К концу третьего этапа коэффициент рождаемости примерно равен уровню простого воспроизводства, а коэффициент смертности ниже этого уровня. На четвертом этапе коэффициент смертности увеличивается, и становится равным коэффициенту рождаемости. Процесс демографической стабилизации заканчивается, население более не растет и не сокращается. Заметим в скобках, что такой сценарий для большинства развитых стран и народов европейской расы в ближайшие 100 лет, а в далеком будущем – для всего человечества, – был бы в высшей степени оптимистическим, потому что современные прогнозы обещают им депопуляцию (сокращение).

Параллельно распространению теории «демографического перехода» в научных и политических кругах стран мира, появлялись дополнительные «переходы», как своего рода надстройки к доминирующей парадигме. Одной из первых «надстроек» стала концепция «эпидемиологического перехода», выдвинутая в 1971 г. в статье американского эпидемиолога А. Р. Омрана. В соответствии с этой концепцией, когда на смену преобладанию экзогенных (внешних) причин смертности приходит первенство эндогенных (внутренних, естественных) факторов, про-

исходит радикальное изменение структуры смертности по причинам [12].

Как попытка дать адекватное теоретическое объяснение современной ситуации в семьях и брачности, возникла гипотеза «второго демографического перехода», происходящего в Европе (сходные идеи выдвигались также в рамках гипотезы о «пятой фазе демографического перехода»). Основная идея, лежащая в основе концепции «второго демографического перехода», была предложена в 1986 году Ван де Каа, который утверждал, что с середины 1960-х годов в Европе закончился послевоенный всплеск рождаемости и утвердилась долговременная тенденция к ее снижению. Четыре основных черты этого перехода, были следующие: широкое распространение юридически неформальных и альтернативных форм семьи; переход от детоцентристской модели семьи к индивидуалистически ориентированной паре партнёров с одним ребёнком; переход к сознательному планированию рождения каждого ребёнка [13]. «Третий демографический переход» (миграционный) был предложен Д. Коулменом, который сформулировал проблему следующим образом: «Будут все основания говорить о третьем демографическом переходе, меняющем состав населения, а не только демографические показатели, с изменениями которых связывают первый и второй переходы. Если первый демографический переход выразился в изменениях уровней рождаемости и смертности, а второй – в изменениях сексуального поведения, организации жизни семьи и ее форм, то третий демографический переход затрагивает последний остающийся компонент, характеризующий население, а именно его миграцию и этнический состав. В конечном счете, миграция может привести к полному изменению этого состава и замене нынешнего населения населением, которое составляют либо мигранты, либо их потомки, либо население смешанного происхождения [14].

Одним из пунктов формирования парадигмы «демографического перехода» в России явилась книга А.Г. Вишневого «Демографическая революция» (1976 г.) [15]. В этой книге впервые в отечественной науке был описан переход от «традиционного» к «современному» типу воспроизводства населения. Среди наиболее известных публикаций школы А.Г. Вишневого и аффилированных с ней авторов – коллективные монографии «Демографическая модерни-

зация России. 1900 – 2000.» (2006 г.) [16], «Исчезающая мировая держава. Демографическое будущее России и других бывших союзных государств» (2011 г.) [17] и многие другие. К школе А.Г. Вишневого, и, как нам представляется, к парадигме «демографического перехода» примыкала школа А.Г. Волкова, которая долгое время развивалась на базе Отдела демографии НИИ ЦСУ. Общие для этих школ в 1990–2000-е годы позиции можно кратко резюмировать следующим образом: 1) Снижение рождаемости в долгосрочном периоде детерминруется законами «демографического перехода», а в среднесрочном – предопределено прохождением «демографических волн» (колебаний в половозрастной структуре населения, в том числе численности женщин фертильного возраста). 2) Меры государственной поддержки семей приводят к «сдвигу календаря рождений», но не к повышению рождаемости (суммарного коэффициента рождаемости – СКР) в долгосрочной перспективе. 3) Рождаемость и смертность не связаны с экономической ситуацией в стране. Вариант этой теории, высказанный нам в частной беседе одним из руководителей Росстата в 2000-е годы, звучал так: «рождаемость – биологический, а не социальный процесс, он не имеет вообще никакой связи с экономикой». 4) Единственно возможный путь компенсации отрицательного естественного прироста – привлечение в страну мигрантов.

К сожалению, тезисы о бесполезности материального стимулирования рождаемости в 1990-е годы были использованы либеральными «реформаторами» для обоснования еще одной возможности экономии государственных расходов. Мы уже приводили в наших публикациях сделанное в 1996 г. программное заявление министра Правительства РФ Е.Г. Ясина о том, что социальная политика является только резервом для экономии и сокращения бюджетного дефицита [17]. Таким же «резервом» в 1990-е годы стала демографическая политика.

С критикой позиций невмешательства государства в демографическую ситуацию выступали Б.С. Хорев и ряд других представителей Центра по изучению проблем народонаселения Экономического факультета МГУ. В частности, Б.С. Хорев одним из первых обосновал понятие «демографический кризис» применительно к ситуации

в России в 1990-е годы [18]. Активно защищала необходимость проведения активной демографической политики научная школа Отдела демографии Института социально-политических исследований РАН во главе с Л.Л. Рыбаковским [19;20].

Автор данной статьи рассматривал сложившееся в 1990-е годы положение как «демографический кризис», причиной которого был «геоэкономический кризис», вызванный революцией 1991 года и распадом СССР. После 1991 года республики бывшего СССР были сброшены с траектории «демографического перехода». Спад ВВП, реальных доходов, рост безработицы, военные и гражданские конфликты развивали у населения комплексы «неуверенности в завтрашнем дне», детерминировали перелом тенденции медленного снижения рождаемости в сторону резкого падения, а смертности – в сторону резкого роста [21]. Падение суммарного коэффициента рождаемости (СКР) в сочетании с прохождением негативной волны численности женщин фертильного возраста предопределили беспрецедентный спад чисел родившихся. Для диагностики падения рождаемости в 1990-е годы как кризисного, а не «переходного» демографического феномена важно учитывать ее темп и причины. Рост смертности, наблюдавшийся в постсоветских странах в 1990-е годы, не вписывался в схему «демографического перехода» не только по скорости, направлению, но также и по факторам. На заключительных стадиях демографического перехода смертность растет вследствие высокой продолжительности жизни и «старения» населения, в бывшем СССР причинами были социально-экономическая нестабильность, конфликты, упадок здравоохранения. Все это дополнялось «миграционным кризисом», поскольку обмен населением между республиками бывшего СССР резко усилился в 1990-е годы под влиянием жесткого выталкивания людей со старого места жительства политическими и военными действиями, возникновением миллионных потоков беженцев и вынужденных переселенцев. Демографическое развитие 1991–2021 гг. на территории постсоветских государств мы разделяем на кризисный период (с 1991 до середины 2000-х гг.), период возвращения на траекторию «демографического перехода» (примерно с середины 2000-х до середины 2010-х гг.) и новый

кризис, который начался во время пандемии COVID-19 в 2020-е годы.

2. Динамика населения СССР и постсоветских республик.

Темпы роста численности населения в советский период постепенно снижались в обстановке уменьшения как рождаемости, так и смертности, что соответствовало нормальной траектории «демографического» и «эпидемиологического» переходов. Отличия состояли только в торможении снижения смертности начиная с 1960-х гг. и закрытости территории страны от внешних миграций. Внешние «приобретения» населения были связаны с присоединением Прибалтики, Западной Украины, Западной Белоруссии и других территорий, а наиболее тяжелые потери – с голодом после коллективизации, репрессиями и Второй мировой войной. Все это подробно описано в трудах демографов и историков [24; 25].

В период между Переписями населения 1926 и 1939 годов население нашей страны увеличилось со 147 млн чел до 170,6 млн чел, чтобы по переписи 1959 года составить 208,8 млн чел. В дальнейшем приросты уменьшались в результате суперпозиции демографического перехода и демографических волн, запущенных потерями во время Второй мировой войны [26]. За межпереписной период 1959 -1970 гг. увеличение составило 32,9 млн чел (до 241,7), за 1970-1979 гг. – 20,7 млн чел (до 262,4) и за 1979-1989 гг. – 24,3 млн чел. (до 286,7). В период 1979-1989 гг. уже просматривалось замедление роста численности населения в Прибалтике, РСФСР, УССР, БССР по сравнению с республиками Средней Азии [26;27;29].

После революции 1991 года был ликвидирован Госкомстат СССР статистический орган, который мог бы публиковать информацию о населении по всем постсоветским государствам за 30 лет их последующей истории, Статкомитет СНГ не стал ему адекватной заменой. В сборниках Росстата «Демографический ежегодник России» за 1999-2021 годы [30], юбилейном сборнике Статкомитета СНГ «30 лет Содружеству независимых государств 1991-2021» [31] и других отечественных базах данных отсутствует информация по некоторым странам, а также за определенные годы указанного периода. Поэтому для дальнейшего анализа

мы использовали базу данных ООН по странам мира за период с 1991 по 2021 г. [23]. На основании данных ООН мы рассчитали показатели численности населения, числа родившихся и умерших, и их сумму по территории бывшего СССР, продлив таким образом до 2021 года статистические ряды, ранее опубликованные Госкомстатом СССР до 1990 г. и Статкомитетом СНГ за 1991 г. Результаты расчетов показаны на рисунке и в таблице.

Выяснилось, что исторический максимум численности населения, официально зафиксированный отечественной статистикой в период существования СССР, был достигнут в 1991 году – 290,1 млн чел. Депопуляция в республиках началась в разное время и имела различную глубину, поэтому в начале отдельного существования государств общий рост населения еще продолжался. Согласно сумме данных ООН, максимум в XX столетии был достигнут в 1993 году и составил 293, 2 млн чел. После этого началась общая депопуляция, минимум в 286,4 млн человек был пройден в 2006 году. Затем подошла позитивная волна численности женщин фертильного возраста, к тому же в ряде республик за счет восстановления здравоохранения, уровня жизни и активизации демографической политики увеличился суммарный коэффициент рождаемости (СКР) и снизилась смертность, общая численность населения стала расти.

Во второй половине 2010-х гг., на фоне геополитической дестабилизации, замедления роста экономики и уровня реальных доходов, началось новое сокращение как общего коэффициента рождаемости, зависящего от возрастной структуры населения, так и СКР, который от нее почти не зависит. В период пандемии COVID-19 произошло резкое увеличение смертности, но инерция роста населения, набранная в основном за счет республик Средней Азии, продолжилась, в результате чего численность населения постсоветского пространства в 2021 году достигла абсолютного исторического максимума – 300 млн чел. (рисунок, таблица).

Последний прогноз численности населения СССР был выполнен Госкомстатом СССР в 1990 году [28]. Этот прогноз был рассчитан до 2015 года, мы продлили его простой линейной экстраполяцией на период до 2021 года (таблица, строка 1).

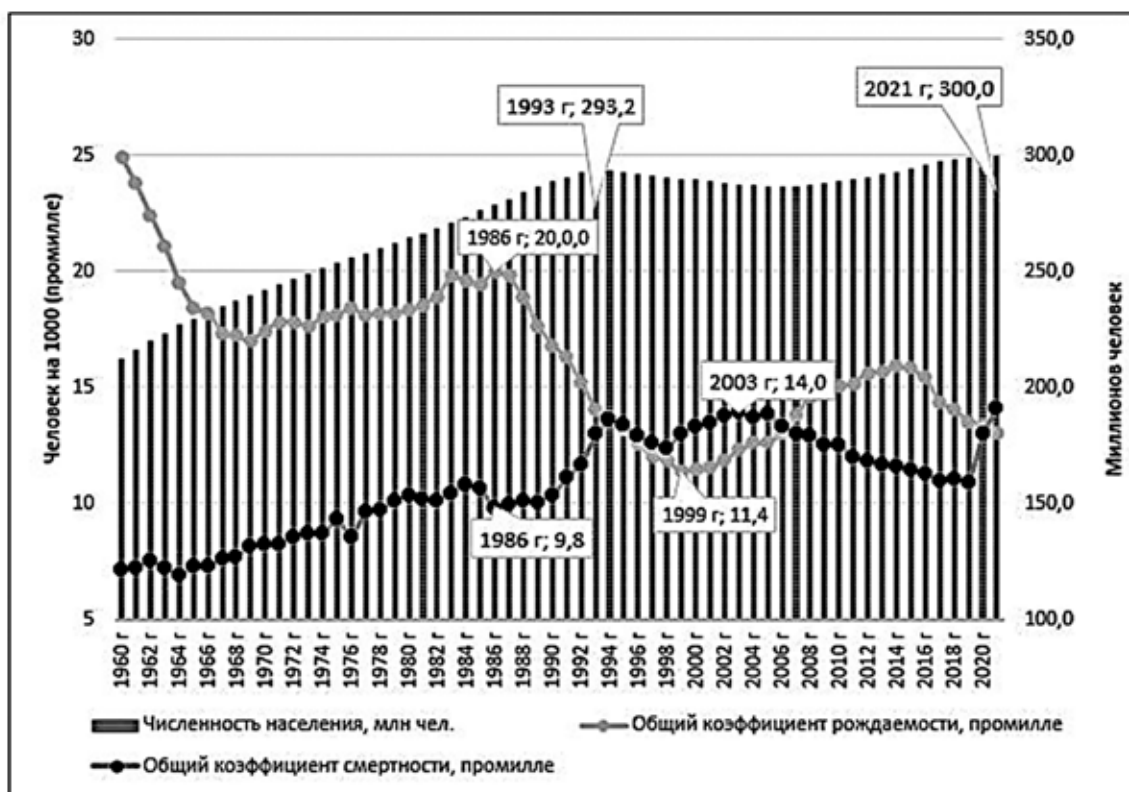

Рис. 1. Численность населения, общие коэффициенты рождаемости и смертности СССР и 15 постсоветских государств в 1960-2021 гг.
 Источники данных: Госкомстат СССР [26;27;29]; Расчеты автора по данным ООН [23]

Компоненты демографического баланса и оценка демографических потерь на территории СССР и постсоветского пространства

		1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.
Прогноз 1990 г., млн чел	1	289,8	301,3	312,7	324,2
Уровень 1993 г., млн чел	2		293,2	293,2	293,2
Численность населения, млн чел	3	289,9	292,6	289,2	286,5
Расхождение численности населения с прогнозом 1990 г., млн чел	4		-8,7	-23,5	-37,7
Расхождение численности населения с уровнем 1993 г., млн чел	5		-0,6	-4,0	-6,7
Дефицит рождений по отношению к среднегодовому числу родившихся 1985-1990 гг., млн чел	6		-1,5	-2,0	-1,7
Избыточная смертность по отношению к среднегодовому числу умерших 1985-1990 гг., млн чел	7		1,0	1,0	1,1
		2010 г	2015 г	2020 г	2021 г
Прогноз 1990 г., млн чел	1	336,6	348,9	361,3	363,8
Уровень 1993 г., млн чел	2	293,2	293,2	293,2	293,2
Численность населения, млн чел	3	288,5	294,4	299,9	300,0
Расхождение численности населения с прогнозом 1990 г., млн чел	4	-48,1	-54,5	-61,4	-63,8
Расхождение численности населения с уровнем 1993 г., млн чел	5	-4,7	1,2	6,6	6,8
Дефицит рождений по отношению к среднегодовому числу родившихся 1985-1990 гг., млн чел	6	-1,0	-0,6	-1,3	-1,4
Избыточная смертность по отношению к среднегодовому числу умерших 1985-1990 гг., млн чел	7	0,7	0,5	1,0	1,4

Примечание: расчеты автора по данным Госкомстата СССР [28] и ООН [23].

Относительную потерю населения за период 1991-2021 гг. мы определили двумя способами – как его убыль по сравнению с прогнозом 1990 года (строка 4 таблицы) и как более близкое к реальности (потому что всякий прогноз – это гипотеза) расхождение с фиксированным локальным максимумом 1993 года (строка 5). По первому методу потеря населения по территории бывшего СССР в 2021 г. составила 63,8 млн чел, по второму – 6,9 млн чел. в 2006 г. с последующим выходом на прирост 6,8 млн чел. в 2021 г. Несмотря на то, что эти цифры почти на порядок различаются между собой, они дополняют друг друга в оценке демографических последствий революции 1991 года.

Анализ потерь населения по методу «демографического баланса» обычно производится по трем компонентам – дефицит рождений, избыточная смертность и сальдо миграции. Рассчитать общее сальдо миграции между 15 странами бывшего СССР и внешним миром мы пока не смогли, хотя исходя из данных отдельно по РФ и ряду других республик полагаем, что этот процесс был дополнительным фактором депопуляции. В таблице 1 представлены расчеты суммарного дефицита рождений в 15 странах по отношению к среднегодовой величине за 1985-1990 годы (строка 6) и сверхсмертность по отношению к такой же базе (строка 7). Наибольший дефицит рождений имел место в 1999 году, когда он составил 2,0 млн чел., максимум избыточной смертности за 1990-

е годы имел место в 1994 году – 1,132 млн чел, а в целом за период – в «ковидном» 2021 году – 1,361 млн чел.

Заключение

Демографический кризис, происшедший после развала СССР, деструкции общего хозяйственного и социального пространства, на фоне разрушения или деградации большинства отраслей экономики, ухудшения качества жизни и падения реальных доходов – вызвал серьезное сокращение численности населения, снижение рождаемости, породил сверхсмертность и потоки эмиграции в более стабильные и благополучные страны мира. Совокупность этих факторов, в сочетании с новыми неблагоприятными эпидемическими и геополитическими процессами, которые проявились в последние годы, вызовет в будущем вместо ожидавшегося сглаживания – углубление демографических волн (колебаний численности половозрастных групп населения), порожденных трагическими событиями истории.

Популяционизм, как идеология максимизации численности населения, уже не актуален для развитых стран в XXI веке. Актуально проведение социально-экономической политики, направленной на повышение благосостояния и социального комфорта людей, обеспечение их безопасности, здоровья и долголетия, создание условий для свободной реализации планов создания семей, рождения и воспитания детей, которым предстоит жить в будущем мире.

Библиографический список:

1. Кашепов А.В. 30 лет без СССР. Часть 1. Политическая экономия распада. Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 10 (часть 3). С. 246-252. DOI: 10.17513/vaael.1914.
2. Кашепов А.В. 30 лет без СССР. Часть 2. Кризис 1990-х годов и его последствия // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 11 (часть 2). С. 198-205. DOI: 10.17513/vaael.1936.
3. Мальтус Т.Р. Опыт о законе народонаселения. М.: Наше завтра, 2022. 320 с.
4. Волков А.Г. О некоторых причинах снижения коэффициента рождаемости // Изучение воспроизводства населения. М.: Наука, 1968. С. 171-183.
5. Марксистско-ленинская теория народонаселения / Под ред. Д.И. Валентя. М.: Мысль, 1974. 415 с.
6. Кваша А.Я. Демографическая политика в СССР. М.: Финансы и статистика, 1981. 200 с.
7. Урланис Б.Ц. Проблемы динамики населения СССР. М.: Наука, 1974. 336 с.
8. Сови А. Общая теория населения. В 2 т. Т.1. Экономика и рост населения / пер. с франц. М.: Прогресс, 1977. 504 с.
9. Сови А. Общая теория населения. В 2 т. Т.2. Жизнь населений / пер. с франц. М.: Прогресс, 1977. 519 с.
10. Notestein F.W. Population. The Long View. Food for the World / Th.W. Schultz (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1945.

11. Landry A. La révolution démographique. P., 1934.
12. Омран А. Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения // Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада. М., 1977.
13. Van de Kaa D.J. Recent Trends in Fertility in Western Europe. NIDI-Working Paper. 1978. No. 11. Voorburg. NIDI (published under the same title as P. 55-83. in: R. W. Hiorns (ed), Demographic Patterns in Developed Societies, London, Taylor and Francis Ltd., 1980).
14. Коулмен Д. Третий демографический переход. М.: Демоскоп. 2007. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0299/tema05.php> (дата обращения: 15.09.2022).
15. Вишневский А.Г. Демографическая революция. М.: Статистика, 1976. 214 с.
16. Демографическая модернизация России, 1900-2000 / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.
17. Ясин Е. Пересмотр обязательств государства в бюджетной сфере неизбежен // Эксперт. 1997. № 49.
18. Хорев Б.С., Хорева О.Б. О демографическом кризисе в России // Известия Русского географического общества. 1993. Т. 125. № 2. С. 53.
19. Стратегия демографического развития России / Под редакцией В.Н. Кузнецова и Л.Л. Рыбаковского. М.: ЦСП, 2005. 208 с.
20. Демографическое развитие России в XXI веке / Под редакцией акад. Осипова Г.В. и проф. Рыбаковского Л.Л. М.: Экон-Информ, 2009. 340 с.
21. Кашепов А. Социально-экономические детерминанты демографической ситуации в России // Общество и экономика. 2001. № 9. С. 138-160.
22. Федеральная служба государственной статистики. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 01.11.2022).
23. UN Population Division Data Portal. URL: <https://population.un.org/dataportal/home> (дата обращения: 01.10.2022).
24. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Население Советского Союза 1922-1991 / под ред. А.Г. Волкова. М.: Наука, 1993. 143 с.
25. Поляков Л.Е. Цена войны. Демографический аспект. М.: Финансы и статистика, 1985. 136 с.
26. Население СССР. 1987. Статистический сборник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1988. 439 с.
27. Демографический ежегодник СССР. 1990. Статистический сборник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1990. 639 с.
28. О прогнозе численности населения СССР. В кн.: Сборник статистических материалов. 1990 / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1991. 352 с.
29. Демографический ежегодник. 1991. Статистический сборник / Статкомитет СНГ. М.: Статкомитет СНГ, 1992. 416 с.
30. Демографический ежегодник России. 2000-2021 гг. Статистические сборники (серия). М.: Росстат, 1999-2021.
31. 30 лет Содружеству независимых государств 1991-2021. Статистический сборник. М.: Статкомитет СНГ, 2021. 497 с.